

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

владельцем Бадгиса, и карлукским джабгу (6, с. 62). В 709 г. карлукский джабгу вновь фигурирует в качестве союзника Низак-тархана у ат-Табари. Вплоть до окончательного подчинения Тохаристана арабами в 40-х годах VIII в. правители Западно-тюркского каганата являлись суверенами, хотя и номинальными, тохаристанских джабгу, которые, в свою очередь, признавали себя подчиненными по отношению к каганам западных тюрков. В рассказе ат-Табари хакан тургешей, обращаясь в 737 г. через посредника к арабскому наместнику Хорасана Асаду ибн Абдаллаху, напавшему на Хутталю, одну из областей Тохаристана, называет ее страной, доставшейся ему от отцов и дедов (2, с. 144). Именно в Тохаристане нашли прибежище тургешские племена, бежавшие сюда после поражения, нанесенного им восточными тюрками в битве при Болучу.

Таким образом, на рубеже VII и VIII веков в Средней Азии заметную роль играли тохаристанские карлуки, вождь которых в сочинениях мусульманских авторов именуется д ж а б г у. Однако, эта группа карлуков была достаточно изолированной и нет никаких сведений о том, что она имела какие-либо связи с алтайско-джунгарскими карлуками, овладевшими Семиречьем в VIII в.

-
1. В.В.Бартольд. Сочинения. Т. У. М., 1968.
 2. А.М.Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталю. МИА, № 15. Т. I, 1946-47.
 3. С.Г.Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
 4. С.Г.Кляшторный. Терхинская надпись. СТ, № 3. Баку, 1980.
 5. С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
 6. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.-Л., 1939.

Н.Н.Туманович

ВАЖНАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ ИРАНА XVII ВЕКА

Меры, принятые шахом Аббасом (правил в 1587-1629 гг.) для укрепления военного, политического и экономического положения Ирана, международный авторитет, достигнутый страной за время его правления, привлекали пристальное внимание и современников, и потомков, и исследователей - востоковедов наших дней. Годы, когда шах Аббас находился у власти, историки характеризуют как время экономического процветания, считают, что именно тогда, если говорить о позднем

средневековье, Иран находился в зените своего могущества. Ближайшие последующие периоды истории Ирана представляются этапами постепенной утраты завоеваний и преимуществ достигнутых шахом Аббасом.

Бытующее в науке утверждение справедливо, но в силу того, что в качестве "точки отсчета" при определении того или иного исторического явления подчас берется период правления Аббаса полностью, следует уточнить, какую веку его долголетнего царствования следует поставить во главу угла, говоря о высших военно-политических достижениях знаменитого шаха. Необходимость этого очевидна, поскольку его успехи обозначились не вдруг, не с приходом к власти, а в результате долгой и упорной борьбы со своими противниками, как внутри страны так и за ее пределами. Цель настоящей заметки отметить эту веку.

Шах Аббас находился на престоле сорок два года. А если при подсчете учесть время фактического двоевластия в стране, когда Аббаса провозгласили шахом ханы Хорасана (в 1581 г.), то - сорок восемь лет. За этот срок в стране неоднократно складывалась критическая ситуация. Особенно это относится к начальным этапам правления тогда юного шаха.

В наследство от отца Султан-Мухаммада Худабанда (1578-1587 гг.) Аббас получил страну, раздираемую внутренними противоречиями, охваченную феодальными распрями, мятежами, народным недовольством. Неблагоприятно для Ирана складывалась и внешнеполитическая ситуация: в 90-е годы был потерян почти весь Хорасан. Эта важнейшая в экономическом отношении провинция была захвачена бухарскими ханами. Под власть турецкого султана оказались западные районы - часть Армении, Грузии, Азербайджана. На юге более восьмидесяти лет хозяйничали португальцы, овладевшие торговыми связями по Персидскому заливу. На востоке демонстрировали свою мощь Великие Моголы, от имени которых в 1591 г. был посажен наместник в Кандагаре, при Сефевидях не раз переходившем из рук в руки.

В этих тяжелейших условиях, когда на карту фактически было поставлено само существование независимого иранского государства, шах Аббас с приходом к власти сконцентрировал все силы для ликвидации внутренних междоусобий, подавления центробежных устремлений феодалов, особенно кочевых, укрепления шахской власти, для создания централизованного государства. Военные, экономические и административные реформы и преобразования способствовали успешному решению поставленной им задачи, но на проведение в жизнь намеченных мер ушли годы. Только укрепив тылы, шах Аббас смог развернуть

действенную борьбу с самыми опасными внешними врагами — бухарским ханом и турецким султаном.

В результате нескольких больших походов на восток к концу XVI в. были отвоеваны утраченные земли Хорасана. Однако предпринятые многократные попытки подчинить важный в политическом отношении Балх не увенчались успехом. С первых лет XVII в., точнее с 1603 г., Иран перешел в наступление против Турции и к 1612 г. восстановил суверенитет над территорией Закавказья. Стамбульским мирным договором была установлена ирано-турецкая граница, существовавшая еще к началу царствования Султан-Мухаммада Худабанда. К этому крупному военно-политическому успеху шах Аббас шел целых двадцать пять лет, то есть более половины отпущенного ему срока правления. Мало того, потребовалось еще шесть лет, в том числе кампания 1616-1618 гг. для того, чтобы турецкая сторона, согласно Серабскому мирному договору, на деле вынуждена была признать существование все той же пограничной линии.

К 1620 г. экономическое положение Ирана было достаточно прочным, а его военно-политический потенциал вырос настолько, что армия шаха Аббаса оказалась в состоянии вести успешные наступательные боевые действия сразу на двух фронтах. В начале 1622 года генерал-губернатор южной провинции Фарс двинул войска против португальской крепости на острове Ормуз, расположенном близ северного побережья Персидского залива. Почти одновременно основные воинские контингенты шаха Аббаса под его непосредственным командованием двинулись из столицы Исфахана на дальний восток тогдашнего Ирана и совершив двухтысячекилометровый путь, связанный с трудностями коммуникаций и снабжения, оказались в состоянии овладеть хорошо укрепленной кандагарской крепостью. В Кандагаре и Замин-Даваре были снова посажены сефевидские наместники.

На первый взгляд представляется, что цели кандагарского похода не оправдывали затраченных на его осуществление материальных средств. В самом деле, Кандагар расположен в полосе отделявшей иранский культурный мир от индийского. Окружающие земли населены главным образом суннитами, враждебно или в лучшем случае нейтрально относящимися к демонстративному шиизму Аббаса. Связь Кандагара с Исфаханом затруднялась огромным расстоянием разделявшим эти города. В таких условиях сефевидская власть над Кандагаром носила временный характер, была непрочной.

Но при всем том завоевание Кандагара в ближайшие годы принесло Аббасу ряд политических и экономических преимуществ и выгод, значение которых трудно переоценить. Впервые за многие десятки

лет земли подвластные иранской короне простерлись в направлении с запада на восток более чем на три тысячи километров. Успех кандагарского похода до некоторой степени компенсировал неудачные попытки шаха покорить Балх. И самое важное, он продемонстрировал правителям стран Среднего Востока мощь централизованного пореферменного иранского государства. Современники сразу же высоко оценили исторический момент. Показательно в этой связи поведение гуджаратского посла. Отправившись ко двору шаха Аббаса, он в пути узнал о предпринятом походе и осел в Мешхеде, выжидая в какую сторону повернутся события, а получив известие о падении Кандагара немедленно поспешил в ставку шаха, дабы поздравить со знаменательной победой и заверить в намерении гуджаратского правителя поддерживать добрососедские отношения.

Немаловажным для Ирана было и торгово-экономическое значение Кандагара — он являлся перевалочным пунктом, воротами в богатейшую из стран Востока — Индию. Иранское купечество настоятельно нуждалось в расширении торговых связей с Индией в силу резкого сокращения обмена со Средней Азией. С этой целью из Ирана в Индию было направлено несколько посольств. В русле такой политики шах Аббас старался чрезмерно не обострять отношения с императором Джихангиром, обосновывая свои притязания на Кандагар тем, что до его восшествия на престол там находился сефевидский наместник, и он, дескать, не преследует своим походом завоевательных целей, но восстанавливает поправные права.

Победоносно завершились военные действия и на южном направлении: иранцы штурмом овладели португальской крепостью на острове Ормуз. Это событие имело большой резонанс как в странах Востока, так и в Западной Европе, а Ирану дало ряд немаловажных политических и коммерческих выгод. Среди последних важнейшее состояло в том, что местное купечество получило доступ к международной торговле, шедшей по морю через Персидский залив.

Сознавая значение этой двойной победы иранского оружия, шах Аббас принял меры к тому, чтобы оповестить о событиях возможно более широкий круг лиц при дворах соседних государств. Письмо, отправленное им турецкому султану, имело целью оказать на него психологическое давление накануне намеченного Аббасом Первым нового похода на Багдад.

Развивая военный успех, шах Аббас весной 1623 г. вновь двинулся против Турции. На первом этапе иранцы добились преимущества и даже овладели Багдадом, но в дальнейшем инициатива перешла на сторону противника. Шах Аббас по существу увяз в этой войне, шедшей

с переменным успехом 16 лет и завершившейся десятилетие спустя после смерти Аббаса договором, подтверждавшим пограничную линию, установленную до начала боевых действий. На результатах войны, среди прочего, сказались негативные итоги ряда нововведений шаха внутри страны, в частности, побочные следствия военной реформы.

Таким образом, даже краткий обзор основных событий военно-политической истории периода правления шаха Аббаса I-го позволяет наметить наиболее узкие хронологические рамки этапа, который может быть охарактеризован как зенит могущества иранского государства Сефевидов в XVII веке. Это - 1622-1624 гг., т.е. с момента падения Кандагара до первых побед в ирано-турецкой войне 1623-1639 гг.

Э.Я.Ханин

ОБ ИСТОКАХ ЯПОНСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ ТОКУГАВА*

К концу XVI века на Японских островах сформировалось централизованное государство, в общественной жизни которого с исключительной последовательностью и строгостью были воплощены в жизнь следующие основные принципы феодализма: полный и всесторонний контроль над крестьянством, торгово-предпринимательскими кругами и группами париев, четкое и жесткое сословное деление, строгая и сложная система социальной иерархии, скрупулезная регламентация труда и быта всех слоев населения, безусловный идейно-политический конформизм. Кроме того, в начале XVII века были введены меры строгой изоляции этого государства от внешнего мира, которые действовали на протяжении более двух веков.

Был ли случайным этот феодальный максимализм Японии? Чем он объяснялся? Эти существенные вопросы истории Японии еще не были достаточно полно и всесторонне рассмотрены и объяснены, хотя их научная актуальность не может вызвать сомнений. Мы здесь хотели бы обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые могут содействовать получению ответов на указанные вопросы.

По нашему мнению, многие предпосылки такого феодального максимализма кроются в событиях и общественных процессах предшествующего периода, главным образом конца XV-XVI вв., когда Япония в

* Эпоха правления представителей сегунской династии Токугава продолжалась с 1603 до 1868 года.